

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Автор: Энвер Кисриев
Москва
октябрь 2009 г.

1. РЕЗЮМЕ

Общественно-политическая обстановка в северокавказском регионе остается сложной, а в некоторых республиках (Ингушетия, Дагестан) в последнее время ситуация определенно ухудшилась. Наиболее проблемной остается Республика Ингушетия, обстановка в которой на протяжении нескольких последних лет все более усугубляется, достигая иногда самых крайних степеней напряженности. Растет террористическая активность в Чечне. В центральных и западных регионах Северного Кавказа при отсутствии явных негативных тенденций также нередко происходят убийства авторитетных деятелей, наблюдается конфронтация этнических и религиозных группировок. Число терактов на Северном Кавказе в 2009 году возросло на 57%. Об этом 22 октября, заявил глава Следственного комитета при прокуратуре РФ Александр Бастрыкин. В текущем году в этом регионе зарегистрировано 513 преступлений террористической направленности. Ситуацию не удается стабилизировать, несмотря на то, что в Ингушетии, Дагестане и Северной Осетии работают лучшие следователи СКП, федеральная группировка которых превышает 300 сотрудников.¹

Природу нестабильности в регионе российского Кавказа обычно рассматривают как комплекс проблем переходного времени в обществах с отсталыми формами общественных отношений, конкуренцией между этническими общностями, приверженностью населения экстремистским течениям в исламе. Между тем нынешний низкий уровень человеческой безопасности, рост конфликтности обусловлены здесь не ситуацией *перехода* и не идеологическими антагонизмами приверженцев тех или иных проектов общественного устройства, а вполне конкретными факторами, порожденными *новой* структурой общественных отношений, в которой определяющее значение принадлежит неформальным традиционалистским группировкам сетевого типа, имманентно присущим нынешним реалиям.

Общественная система в северокавказских республиках целиком пронизана такими неформальными социальными сетями, выполняющими функции обеспечения материального достатка и безопасности для своих членов. Они стали складываться в период радикальных трансформаций конца 80-х – начала 90-х гг. XX века, сопровождавшихся крайними формами социальной аномии, и к настоящему времени разрослись и пронизали почти все ткани социальной жизнедеятельности. Большинство громких эксцессов террористического характера, покушений на чиновников высокого ранга, атак на работников правоохранительных органов в Карачаево-Черкесии или Ингушетии, Дагестане или Северной Осетии являются в действительности проявлениями противоборства между такими солидаристскими группировками, отстаивающими интересы своих членов.

Другой определяющий фактор роста конфликтности в северокавказском регионе возник, как это не покажется парадоксальным, в связи с усилиями федерального центра по стабилизации здесь общественно-политической обстановки. Политика центра в северокавказском регионе сводится, по сути, лишь к укреплению «вертикали власти». С учетом структурных особенностей кавказских обществ, о чем было сказано выше, меры центра в реальной практике приводят к наделению республиканских президентов предельной полнотой власти. Такая концентрация власти с неизбежностью провоцирует мобилизацию сопротивления

¹ «С подсчетом шахидов возникли сложности». Независимая газета, 22 октября 2009 г. http://www.ng.ru/regions/2009-10-23/1_shahidy.html

ей со стороны всех тех сил, которые оказываются вне этой вертикали. Жестко пирамидальная конструкция управления в республиках Северного Кавказа вступает в противоречие со сложившейся здесь конструкцией множественных (по горизонтали и вертикали) сетевых группировок и, прежде всего, в среде правящей элиты. Поскольку в нынешних условиях легальная оппозиция власти стала почти невозможной, вся энергия конфронтации вытесняется за рамки правового поля, погружается в тень и проявляет себя исключительно в криминальных акциях.

Таким образом, рост насилия в условиях социальной аномии обусловил разрастание сети указанных группировок, которые, в свою очередь, умножают конфликтный потенциал. Солидаристские группировки решают важнейшие социальные задачи: безопасность и материальное обеспечение для «своих», т.е. то, с чем плохо справляются официальные политические и экономические институты. Сейчас можно констатировать, что такого рода отношения будут доминировать здесь на протяжении довольно длительного исторического периода и только репрессивными или административными действиями властей трансформированы они быть не могут.

Правильным направлением политики преодоления нынешнего кризисного состояния безопасности в северокавказских обществах были бы такие меры, которые позволят в максимально возможном объеме *канализировать конфликтный потенциал в русло открытого общественного обсуждения и разрешения в рамках официальных институтов государства и гражданского общества*. В республиках северокавказского региона необходимо сознательное внедрение из центра принципов и практики действительного разделения властей – независимого суда, свободного в реагировании и обсуждении злободневных общественных проблем парламента. Необходима также поддержка независимой от региональных властей печати, поощрение деятельности общественных организаций, возникающих здесь спонтанно в ответ на острые общественные проблемы. Эти меры будут способствовать открытому обсуждению значительной части конфликтной проблематики, что, в свою очередь, будет способствовать объективному восприятию общественно-политических проблем и поиску конструктивных путей их решения. В конечном счете, это приведет к ослаблению значимости и роли неформальных сетевых отношений, переводу конфликтной проблематики в русло легальных процедур общественного диалога и согласованных решений.

2. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

РЕСПУБЛИКА ИНГУШЕТИЯ

В последние полгода общественно-политическая обстановка в северокавказском регионе стала более конфликтной. Наиболее проблемной остается Республика Ингушетия, ситуация в которой уже несколько последних лет все более усугубляется, достигая иногда самых крайних степеней напряженности. Такое положение вещей требует внимательного рассмотрения, поскольку в прошлом Ингушетия, как правило, оказывалась одним из наиболее спокойных регионов Северного Кавказа. Еще в период Кавказской войны XIX в. ингуши не принимали участия в военных акциях горцев против царских войск и находили довольно успешные формы взаимоотношений с военными и поселениями казаков. Следует также помнить, что ингушский народ в 1992 г. пережил трагическое событие: кровопролитный конфликт и изгнание из Пригородного района Северной Осетии

порядка 40 тыс. ингушей. При этом они смогли тогда удержаться от силового пути и открытого противостояния с осетинами, нашли в себе волю добиваться законного разрешения сложной и запутанной проблемы принадлежности Пригородного района, а также возвращения в него коренного ингушского населения мирными средствами и в правовом поле. В последующем, когда в конце 1994 г. началась первая чеченская война, ингуши также оставались в стороне от активного участия в военных действиях и сохраняли внутреннюю устойчивость. Во второй чеченской кампании, начавшейся в 1999 г., ингушам также удавалось поддерживать общественную стабильность и оставаться в стороне от военных конфликтов.

Процесс дестабилизации ингушского социума нарастал постепенно от месяца к месяцу на протяжении трех-четырех последних лет, т.е. в период, когда республику возглавлял Мурад Зязиков (с лета 2005 г.), хотя во всем регионе обстановка под влиянием умиротворения в Чечне стала в целом улучшаться. В этой связи логично было бы предположить, что одна из причин дестабилизации в Ингушетии скрывается в каких-то прямых ошибках либо личных качествах главы республики, пришедшего на смену генералу Аушеву. Действительно, акции, нарушающие общественный порядок, акты прямого насилия, как правило, выглядели борьбой непосредственно против Зязикова и его окружения. Вместе с тем, его отставка (в ноябре 2008 г.) и назначение на должность президента чрезвычайно популярного в народе генерала, героя России Юнус-Бека Евкурова пока не привели к стабилизации общественно-политической ситуации.

Волна насилия вынудила нового президента Ингушетии воспользоваться опытом умиротворения, примененным в Чечне Ахмадом Кадыровым, когда тот осуществил амнистию чеченских боевиков. Евкуров также объявил о готовности амнистировать участников НВФ, не причастных к тяжким преступлениям, и Москва одобрила это решение. Однако к положительным результатам эти меры не привели, последовали новые громкие серии террористических актов, продолжается настоящая война с руководством республики: нападения на милиционеров, обстрелы домов государственных служащих и религиозных деятелей, погромы магазинов, где продают спиртное и т.п. По официальным данным, число преступлений с использованием огнестрельного оружия в Ингушетии за первые два месяца 2009 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года увеличилось на 836,4%². Только за 2 месяца в этой маленькой по территории республике произошло 92 эксцесса с применением оружия. В самое последнее время произошла новая серия нападений на милиционеров, других должностных лиц и религиозных деятелей. Следует особо упомянуть убийство 10 июня зампреда Верховного суда Ингушетии Азы Газгириевой, покушение на президента Юнус-Бека Евкурова, осуществленное 22 июня и, наконец, взрыв «Газели» на территории ОВД Назрани утром 19 августа, унесший жизни 25 милиционеров.

Все это требует переосмысления возможных причин, приводящих к такому развитию ситуации. Одним из долговременно действующих факторов сохранения высокого уровня агрессивности среди ингушей может быть признана, конечно, нерешенность проблемы беженцев 1992 г. Для ингушей этот вопрос остается наиболее болезненным, и поэтому он оказывает постоянное негативное воздействие на характер общественных настроений. Опросы населения в Ингушетии свиде-

² «МВД Ингушетии отмечает значительный рост числа преступление в республике с начала года». РИА Новости, 6 апреля 2009 г. <http://ug.rian.ru/incidents/20090406/81803068.html>

тельствуют о том, что нерешенность проблемы Пригородного района является для них важнейшей причиной недовольства органами республиканской и федеральной власти. Тем не менее, объяснять усиление террористической активности здесь в последний трехлетний период воздействием исключительно этого фактора было бы неправильно.

Субъективный фактор – неудовлетворительная работа или недостаточная авторитетность президента Зязикова – также не может считаться убедительной причиной столь серьезной эскалации конфликтности, поскольку, как мы видим, приход к власти нового и, без сомнения, популярного руководителя не снизил уровень конфликтности. Приходится констатировать, что волна террористической активности набирает силу, несмотря на усиление мер нового президента по преодолению коррупции в хозяйственных и административных органах управления. Таким образом, сам факт концентрации власти в руках одного лица и повышения его активности оказываются фактором роста конфликтности.

РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН

Вторым по проблемности общественно-политической ситуации в рассматриваемый период можно назвать Дагестан. Здесь также отчетливо прослеживается тенденция роста террористической активности и общей дестабилизации обстановки. Ситуация в Дагестане уже давно характеризуется, с одной стороны, довольно высоким уровнем напряжения, частыми и крайне дерзкими террористическими акциями и, с другой стороны, высокой способностью местной власти гасить негативные последствия этих эксцессов, поддерживать общую устойчивость политического положения.

Необходимо учитывать и то, что на восприятие и оценку общественно-политической ситуации в Дагестане заметное воздействие оказывает то обстоятельство, что в этой республике все еще действует оппозиционная пресса и независимые НПО. Благодаря этому многие негативные стороны общественной жизни получают широкую огласку и организованный протест, что в свою очередь вызывает общественный резонанс, волнения, митинги, петиции и т.д. Подобного фактора общественного воздействия на власть (свободной от контроля власти прессы и независимых НПО) уже давно нет ни в одной другой республике Северного Кавказа.

Наиболее серьезным показателем ухудшения общественной безопасности в Дагестане является непрекращающаяся война т.н. «ваххабитских» группировок с милиционерами. Почти каждый день происходят случаи нападения на милицмейские машины и постовых. Милиция, в свою очередь, отвечает столь же жесткими операциями по уничтожению членов этих группировок. Нередки столкновения между различными кланами, контролирующими те или иные хозяйственные и административные сферы. Убийства авторитетных чиновников и (или) их близких родственников периодически будоражат общественность и предопределяют в ближайшем будущем ответные насильственные меры. Нападениям подвергаются также и авторитетные религиозные деятели.

Было бы неверным привычно называть причинами роста преступности сложности экономической ситуации: рост безработицы, обнищание населения и т.д. За время правления президента М. Алиева (с начала 2006 г.) экономическое положение в республике стало заметно улучшаться. По данным официальной статистики, период его правления отмечен заметным ростом основных экономических показателей: увеличилось число рабочих мест, существенно вырос показа-

тель среднего уровня зарплаты, выросли объемы строительства жилых домов, школ и больниц. В республике повысилась исполнительская дисциплина чиновничьего аппарата, снизился уровень коррупционности административных служб. С учетом общего оздоровления экономической обстановки в стране в целом (до начала финансового кризиса), позитивно отразившегося и на ситуации в Дагестане, следовало ожидать хотя бы тенденции к улучшению здесь общественной безопасности. Между тем, террористическая активность не только не спадает, ее уровень становится выше.

Для объяснения причин этого следует учитывать, безусловно, приближение срока окончания полномочий нынешнего президента Дагестана (февраль 2010 г.). Как известно, решение о том, кому занять высшую должность в республике, принимается теперь в Кремле, и оно зависит от оценки, которую там дадут складывающейся в республике ситуации. Поэтому с высокой степенью вероятности можно предположить, что в республике осуществляется скрытая оппозиционная деятельность конкурирующих политических сил с целью дискредитации нынешнего руководителя. Серьезное воздействие этого фактора на рост нестабильности в Дагестане признается сейчас большинством экспертов. Однако неослабевающая война экстремистских молодежных группировок с милиционерами, убийства глав районов, чиновников среднего уровня и религиозных деятелей должно иметь более глубокие корни. Большинство насильственных действий, очевидно, производится факторами, скрытыми в недрах общественной системы. И эти факторы, как видим, не только не ослабевают, но усиливаются даже в условиях заметного оздоровления в сфере экономики.

Без сомнения, такими факторами оказываются жестко конкурирующие между собой на республиканском (и не только на республиканском) поле группировки, занятые расширением или, по крайней мере, отстаиванием своих властных и (или) имущественных прерогатив. Дело в том, что гражданский контроль и общественное участие в принятии решений в вопросах избраний или назначений на ответственные должности, в распределении финансовых потоков и т.д. в нынешних условиях сведены почти к нулю. Всякая «критика» таких решений или намерение «внести в них поправки» может теперь осуществляться только за пределами легальных процедур. В этих условиях общественное недовольство и попытки исправления принятых решений в своих крайних проявлениях реализуются путем криминальных насильственных акций. Даже тот род конфликтов, который обычно определяется как идеологический – пресловутое противостояние между «ваххабитами» и «традиционно» верующими мусульманами – в нынешних условиях, как правило, обусловлены вполне конкретными причинами: борьбой за контроль над теми или иными значимыми сегментами деятельности, приносящими влияние, деньги и власть.

ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Довольно неожиданно для наблюдателей складывается обстановка и в Чеченской Республике. Похоже, что период «чеченского чуда» – успешной стабилизации и устойчивого улучшения ситуации – остался в прошлом. На протяжении длительного времени местная власть заявляла, что членов незаконных вооруженных формирований в Чечне остается не более нескольких десятков человек, и скоро с ними будет покончено. Многие факты и тенденции еще недавно красноречиво подтверждали эти заявления. Между тем, методичная ликвидация оставшихся в лесах боевиков на протяжении вот уже более 2 лет (порядка 300 человек

за это время было задержано или уничтожено) не положила конец их вылазкам.

Еще недавно казались убедительными заявления президента ЧР Рамзана Кадырова, что причиной все еще имевших место случаев террористического насилия является сохранение в республике режима КТО, при котором федеральные силовые ведомства самостоятельно, напрямую и не совсем недобросовестно выполняли на территории Чечни свои функции. В середине апреля, ровно через два года после вступления Рамзана Кадырова на пост президента, по его настоянию в Чеченской Республике режим КТО был, наконец, отменен, и в последующие два месяца казалось, что, действительно, ситуация в республике еще более нормализовалась. Но вскоре последовала серия мелких эксцессов, а затем два резонансных преступления. В середине июля в Грозном в общественном месте была бесцеремонно схвачена и увезена на машине известная правозащитница, сотрудница правозащитного центра «Мемориал» Наталья Эстемирова. Ее тело было обнаружено на территории Ингушетии. Следом (26 июля) произошел крупный террористический акт – взрыв у входа в концертный зал в центре Грозного. Погибли четыре офицера милиции и несколько граждан. 11 августа были убиты сотрудница неправительственной организации «Спасем поколение» и ее муж, а 21 августа в Грозном два террориста-смертника на велосипедах произвели подрыв взрывных устройств, в результате которых погибло 4 сотрудника милиции и несколько ранены. Через 4 дня (25 августа) в Шалинском районе террорист-смертник привел в действие взрывное устройство, подойдя к сотрудникам правоохранительных органов. В результате 4 человека были убиты и один ранен. В целом официальная статистика за последнее полугодие указывает на рост нестабильности в Чеченской Республике и подъем террористической активности. Так, за первое полугодие 2009 г. количество похищений по сравнению с таким же периодом прошлого года увеличилось более чем в 4,5 раза³. Число хищений оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ выросло на 40%, на 175% выросло число краж транспортных средств.

Есть разные варианты объяснения начавшегося ухудшения обстановки в Чечне. Официальные трактовки причин, как правило, ограничиваются указанием на внешнюю иностранную финансовую и иную поддержку исламского экстремизма в чеченском обществе. Однако ряд громких событий последнего времени недвусмысленно свидетельствуют о росте напряженности между отдельными клановыми группировками внутри чеченского общества. Резонансные преступления последнего времени, столь же кровавые, сколь и бессмысленные в политическом отношении, могут указывать на проявления глубоко скрытой внутривеченской оппозиции, стремящейся расшатать и дискредитировать нынешний режим власти в Чеченской Республике. Социальные корни нынешней оппозиции авторитарному правлению в Чечне скрываются в традиционных ценностях чеченского общества. Дело в том, что в силу определенных исторических обстоятельств у чеченцев чрезвычайно значимым остается их принадлежность к своей политико-клановой общности – тейпу. По этой причине политический авторитет в чеченском обществе не может быть выведен за пределы этих традиционалистских общностей и перенесен исключительно на формально установленный и поддерживаемый извне институт высшей власти.

В других политико-административных сегментах северокавказского региона – в Северной Осетии-Алании, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи – ситуация в настоящее время не выглядит столь тревожной. Пока обще-

³ "Число похищений людей в Чечне увеличилось с начала года в несколько раз, сообщает СКП". РИА Новости, 12 августа 2009 г. <http://ug.rian.ru/incidents/20090812/81855636.html>

ственное недовольство не проявляется в открытых и получивших освещение в СМИ статистических показателях роста насилия. Между тем, опросы экспертов и непосредственные наблюдения свидетельствуют, что и в этих республиках растет уровень недовольства населения, агрессивность молодежных исламских группировок, напряженность отношений органов власти с этническими и религиозными организациями. В республиках центральной и западной частей северокавказского региона не ослабевает напряженность и между различными этническими организациями. Так, заметна активизация протестных акций и резких заявлений организаций адыгских (кабардинцев, черкесов и адыгейцев) движений. В этой связи отмечается напряженность в отношении активистов адыгского движения и властей КЧР. Также остаются проблемными отношения адыгского населения Республики Адыгеи с русским этническим большинством в республике, а также тюркских народов (балкарцев и карачаевцев) с адыгскими в КЧР и КБР.

Все более непростыми становятся отношения властей с Духовными управлениями и другими исламскими организациями, в особенности молодежными. В отличие от восточных регионов Северного Кавказа, где власть активно сотрудничает с представителями «традиционного» ислама и опирается на них в борьбе с «ваххабитами», в центральных и западных регионах российского Кавказа власти стараются оказывать сдерживающее воздействие на распространение ислама в целом.

3. ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ КОНФЛИКТНОСТИ

В объяснение всех этих в целом негативных тенденций в республиках российского Кавказа напрашивается, прежде всего, предположение о воздействии мирового финансового кризиса, начавшегося год назад. Однако, как это признают и органы власти всех северокавказских республик, кризис почти не затронул экономическую ситуацию в рассматриваемом регионе. Экономическая структура не располагает здесь теми характеристиками, на которые мог бы оказать воздействие данный кризис. Характер безработицы, формы ведения бизнеса, способы участия государства в экономической жизни, направления хозяйственной деятельности, основные источники существования местного населения, особенности инвестиционной деятельности и вообще циркуляции денежных средств таковы, что волны нынешнего кризиса обходят данный регион стороной.

Как аксиома, главной причиной нестабильности и конфликтности в этом регионе России на современном историческом этапе считалась *«ситуация переходного периода»*. Общество, вступившее в процесс радикальной трансформации, не способно избежать внутренней напряженности, проявляющейся в различных формах. В эпоху перемен в основе самых ожесточенных конфликтов часто оказываются *идеологические* противостояния. Так, считается, что быстрая реисламизация на Северном Кавказе в условиях роста социальной аномии и образовавшегося идеологического вакуума привела к распространению экстремистских исламских течений и увлечению утопическими проектами общественного строя, основанного на шариате. Отсюда довольно распространено убеждение, что причиной нынешнего роста социальной конфликтности является распространение здесь альтернативного традиционному агрессивного направления в исламе – «ваххабизма». Приверженцы этого радикального проекта общественного устройства по умолчанию считаются непримиримыми противниками нынешнего режима и виновниками всех взрывов, атак на милиционеров, убийств высокопоставленных чиновников и т.д.

Надо отметить, что эта модель объяснения причин криминальной гиперактивности на Северном Кавказе принимается за истину всеми заинтересованными сторонами. Это относится и к самому *криминалитету*, когда встает необходимость оправдания производимых террористических актов. Эта объяснительная модель устраивает также и *правоохранительные органы*, когда они обосновывают крайнюю жестокость своих антитеррористических акций тем, что они «ведут войну с фанатиками». *Государственных деятелей* также устраивает объяснение высокого уровня конфликтности тем, что мирную жизнь общества нарушают именно приверженцы отживших религиозных идей, агрессивные религиозные фанатики, не признающие инакомыслия, враги современного цивилизованного устройства общества. Этим, по-видимому, обусловлена и нынешняя озабоченность руководства страны состоянием системы исламского воспитания и образования на Северном Кавказе. Сейчас, как известно, принимаются решения на самом высоком уровне о создании канала исламского телевидения, учреждении на Северном Кавказе двух санкционированных властью исламских университетов, и т.д. Предполагается, что, если кавказцы будут получать «правильное» исламское образование, то экстремизм будет преодолен естественным путем. Данная объяснительная конструкция устраивает также и большинство *научных экспертов*. Они обнаруживают в исламе «имманентно присущий этой религии радикализм, непримиримость к инаковерию» и рекомендуют меры по преодолению этих качеств исламской религии. Действительно, идеологические баталии между различными направлениями в исламе, начавшиеся в 90-е гг., занимали общественность почти во всех северокавказских республиках. Иногда это выливалось в ожесточенные диспуты и конфликты.

Однако объяснения роста нынешнего потенциала агрессивных настроений и насильственных действий причинами идеологического порядка несостоятельны. Неоднократно отмечалось, что нынешние «лесные братья» понятия не имеют о теологических обоснованиях их «священной войны» против милиционеров. Вместе с тем, фактом является и то, что они всегда декларируют известный набор псевдо-религиозных лозунгов для оправдания своих действий. С начала радикальных общественных трансформаций прошло уже 20 лет. На Северном Кавказе давно закончились все институциональные перемены и все войны. Давно завершился передел собственности, сформировался правящий класс, население свыклось с новыми условиями бытия. Поменялись, в ряде случаев неоднократно, высшие руководители, выросло целое поколение людей, совершенно не знакомых с прошлым общественно-политическим строем. Необходимо осознать, что нынешняя социальная нестабильность, высокий уровень социальной конфликтности являются проявлениями свойств, имманентно присущих новым, уже сложившимся реалиям, определяющим содержание нынешней жизни. Нынешний уровень безопасности в северокавказском регионе обусловлен не фазовым переходом и не идеологическими противоречиями приверженцев тех или иных проектов общественного устройства, а вполне конкретными обстоятельствами, порожденными новыми, сложившимися здесь в последние два десятилетия социальными структурами. Что представляют собой эти структуры, постоянно продуцирующие нестабильность и насилие?

На Северном Кавказе политические, социальные и хозяйственные институты к настоящему времени уже полностью пронизаны сетями новых отношений, основанных на реанимации традиционалистских связей, и реализуются исключительно через них. В различных регионах российского Кавказа традиционалистские структуры имеют свою специфику, однако к настоящему времени они уже везде органично вросли в политическую, экономическую и социальную ткань

этих обществ. Общей особенностью организации хозяйственной жизни на всем Кавказе являются традиции взаимной поддержки родственников, членов одной поселенческой общины, лиц одной этнической общности. Эти солидаристские группировки – т.н. «пережитки прошлого» – обеспечивают современному человеку в нынешних социально-экономических условиях успешность в достижении источников существования и гарантируют личную безопасность. Разумеется, исключений из этого правила много, и правильнее было бы сказать только, что люди, придерживающиеся принципов традиционной солидарности, имеют в нынешних условиях некоторые преимущества в достижении жизненного успеха. Те, кто рассчитывает только на себя, на силу законов, сталкивается на Кавказе, как правило, с непреодолимыми трудностями. Законодательная система так же, как административная и хозяйственная, не способны препятствовать всепроникающей силе традиционалистских связей и структур.

Солидаристские группировки, основанные на традиционалистских связях, носят сетевой характер с переменчивыми и трудно определяемыми границами. В зависимости от конкретной ситуации те или иные цепочки этих сетевых конструкций проявляют себя с большей или меньшей определенностью. Известны т.н. *этнопартии* – традиционалистские группировки, начавшие после краха коммунистического режима борьбу за политическое влияние, власть и ресурсы. В процессе их формирования, ожесточенных столкновений и кооперации друг с другом складывалась нынешняя правящая и имущественная элита в каждой из республик данного региона. Криминалитет советского образца почти никакого участия, в силу указанных особенностей северокавказских обществ, в этих процессах не принимал.

В последующем, неформальные традиционалистские группировки стали прорастать во всех слоях гражданского общества. На каждом уровне эти группировки приобретают свои, соответствующие конкретным условиям и целевым установкам свойства, но все они снизу доверху заняты обеспечением материального благополучия, взаимной поддержки и безопасности для своих членов.

Нынешние т.н. «*ваххабитские джамааты*» представляют собой в настоящее время низовой уровень сетевых солидаристских группировок наиболее маргинализованной молодежи, принадлежащих по своей природе тому же типу отношений, что и *этнопартии*, управляемые членами политической элиты. Но на этом уровне – в среде «ваххабитских джамаатов» – ресурсы их групповой сплоченности в наименьшей мере основаны на традиционалистских ценностях родства, этничности и др. Эти группировки состоят, как правило, из молодых людей, безразличных к ценностям традиционалистской идентичности. Их объединяют отвлеченные исламские идеологемы, очищенные от традиционно принятых и привычных норм исповедания, но подлинным основанием их внутренней сплоченности и агрессивных акций являются требования самозащиты и самоутверждения, обеспечения средствами существования, поскольку легальные институты государства и общества в нынешнем виде не могут это обеспечить. Более того, структуры государственной власти, в особенности, органы правопорядка в их реальной практике оказываются источником наиболее серьезных угроз для молодых людей из маргинализирующихся слоев общества. В настоящее время работники милиции не столько обеспечивают законность, сколько устанавливают «свой» порядок, обусловленный теми же соображениями достижения благополучия и безопасности для «себя». Молодежь, как правило, оказывается наиболее незащищенной от этого произвола категорией граждан. Деятельность правоохранительной системы в ее нынешнем виде провоцирует формирование сетевых группировок криминального типа в молодежной среде наиболее незащищенных слоев населе-

ния, т.е. там, где наиболее ослаблены ресурсы традиционалистской поддержки. Можно с полной определенностью констатировать, что функция «джамаатов» состоит в обеспечении для своих членов подобающего материального и социального статуса. Давно известно, но не обсуждается в общественно-политическом дискурсе, что эти «джамааты» в настоящее время облагают «налогами» не только мелкий и средний, но в ряде случаев и крупный бизнес. В этой системе отношений их война с милиционерами предстает в ином ракурсе – это уже не борьба государственной правоохранительной системы с опасными государственными преступниками, а столкновения различных группировок за право патронировать конкретные бизнес-структуры.

Часто эти «джамааты», совершая свои вылазки, выполняют и оплачиваемые заказы определенных группировок, борющихся между собой за власть и материальные ресурсы. Многие эксцессы «террористического» характера, направленные против чиновников высокого ранга в Карачаево-Черкесии, Ингушетии, Дагестане или Северной Осетии, являлись в действительности столкновениями между правящими кланами, не поделившими право на административный контроль или собственность. Их внутренние «разборки» осуществляются теперь чужими руками, а именно, группировками «ваххабитов», поскольку в таких случаях, во-первых, ответственность за эти акции легко переложить на т.н. религиозных фанатиков. Во-вторых, преступления подобного рода оказываются изначально, как бы раскрытыми, поскольку заранее предполагается, кто и почему осуществил тот или иной террористический акт. Наконец, не менее важно также и то, что их («ваххабитов») никак не удастся арестовать, поскольку, когда их обнаруживают, их не берут, а ликвидируют на месте. Таким образом, молодежные «джамааты» являются криминальными группировками, нашедшими себе в нынешних условиях устойчивую нишу в сложившейся структуре сетевых отношений. Разумеется, активными членами таких НВФ является незначительное число лиц, но их деятельность успешно встраивается в общую сеть многообразных группировок и получает поддержку со стороны других не столь радикальных солидаристских структур, поскольку вне их жизнь большинства людей здесь, практически, невозможна.

Вышеописанные структуры стали образовываться со времени краха тоталитарного коммунистического режима и установления свободных рыночных отношений. К настоящему времени этот процесс почти полностью завершен, а его результаты следует отнести не к «пережиткам прошлого», а новообразованиям, с которыми государству и обществу придется считаться еще длительный исторический период. При этом невозможно точно определить состав, численность и организационные формы многообразных сетевых группировок, поскольку, в силу самой своей природы, у них нет ни устойчивости, ни постоянства, они непрерывно преобразуются в определенных социальных нишах.

Другим фактором конфликтности в республиках российского Кавказа, тесно увязанным с предыдущим, является складывающаяся здесь в последнее пятилетие жестко пирамидальная конструкция власти. Избрание высших руководителей путем электорального голосования и разделение ветвей власти ушли в прошлое. Высшее лицо, по сути, назначается сверху и наделяется центром всей полнотой власти в своей республике. Выбор такой стратегии управления был обусловлен соображениями, что жесткое персональное правление регионом, осуществляемое тщательно подобранным и доверенным лицом, сможет обеспечить эффективное управление экономикой, противостояние коррупции, подавление экстремистского подполья и проч.

Именно эти соображения обусловили приход к руководству в Чеченской республике в 2000 г. Ахмада Кадырова. Затем, после его гибели в мае 2004 г. «избрание» Алу Алханова, которого в начале 2007 г. сменил Рамзан Кадыров. Из тех же соображений в мае 2005 г. А. Дзасохова в Северной Осетии сменил Т. Мамсуров, в Ингушетии вместо Р.Аушева с июля 2005 г. к руководству пришел М. Зязиков. В Кабардино-Балкарии в сентябре того же года президентом был поставлен А. Каноков, в начале 2006 г. М. Алиев стал президентом Дагестана. В конце 2006 г. в Адыгее был отстранен Х. Совмен и назначен А. Тхакушинов. В августе 2008 года в Карачаево-Черкесии Б. Эбзеев сменил М. Батдыева и, наконец, осенью прошлого года Ю-Б. Евкуров в Ингушетии сменил М. Зязикова.

Однако если учитывать, что в северокавказских республиках уже давно сложились элитарные группировки (этнопартии), противостояние и взаимодействие которых между собой определяют политический порядок в этих республиках, то вручение неограниченной власти в руки одного человека означает здесь безусловную ставку центра на какую-то одну определенную этнопартию. Это приводит к тому, что все остальные авторитетные группировки оттесняются на обочину политического процесса и начинается их противостояние власти и консолидация между собой. Таким образом, усилия по укреплению вертикали власти одновременно с этим создают условия для мобилизации сил сопротивления ей, оказавшихся вне этой вертикали.

Поскольку в нынешних условиях легальная оппозиция в рамках институтов власти почти невозможна, вся энергия конфронтации влиятельных группировок погружается в тень и проявляет себя преимущественно в криминальных акциях. Авторитет и финансовые возможности отстраненных от власти деятелей – лидеров крупных этнопартий – позволяет им поддерживать и умножать общественное недовольство граждан, для которого и объективных причин в настоящее время более чем достаточно. В некоторых случаях террористические акты против высоких должностных лиц обусловлены желанием вмешаться в кадровые или иные решения власти. Создание атмосферы террора может также служить целям подрыва авторитета и дискредитации избранного центром первого лица в республике. В силу указанной выше нынешней природы северокавказских обществ в политический процесс в республиках могут быть вовлечены не только этнопартии, но структуры любого уровня, в том числе, группировки т.н. «ваххабитов».

Таким образом, жестко пирамидальная конструкция власти в республиках Северного Кавказа вступает в противоречие со сложившейся здесь конструкцией множественных элит, основанных на традиционалистских принципах солидарности. Преодолеть множественность этнопартий невозможно, если не вернуться к тоталитарным формам правления. Отсюда вытекает неизбежность постоянных и серьезных конфликтов в регионе. А поскольку сетевые группировки проросли на всех этажах социальной конструкции, это создает условия и их активной вовлеченности в политическое противоборство.

4. СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ СИТУАЦИИ

Высокий уровень конфликтности на Северном Кавказе является неотъемлемой структурной характеристикой социально-политической ситуации в регионе, а не временными осложнениями переходного периода. По всей видимости, общественная напряженность и террористическая активность т.н. «ваххабитов» останется здесь привычным явлением на продолжительный период, что будет иметь соответствующие последствия для уровня человеческой безопасности. В

отдельных случаях напряженность может достигать крайних форм, таких как массовые и кровопролитные столкновения различных групп населения, конфликты на межэтнической и религиозной почве, террористические акты, покушения на жизнь высокопоставленных политических деятелей с последующей дестабилизацией общественной системы в целом. Вместе с тем, серьезной угрозы политическому режиму или экономическому положению в целом подобные эксцессы представлять не будут. В этой связи наилучший и наихудший сценарии развития ситуации могут отличаться друг от друга не какими-либо качественными, а лишь количественными характеристиками.

Поскольку социальная структура и значимость в ней ценностей традиционалистской солидарности во всех республиках российского Кавказа в целом однородна, постольку однородны и механизмы ее функционирования. Отсюда можно предположить в будущем определенный рост конфликтности в тех республиках, в которых вызревание и активность сетевых групп происходит медленнее и, потому, продолжает еще увеличиваться. Имеется в виду Северная Осетия, КБР, КЧР и Адыгея. В тех же регионах, где сейчас уровень напряженности крайне высок (Ингушетия и Дагестан), обстановка, по всей видимости, несколько разрядится. Однако никаких радикальных перемен ни в одной из этих двух категорий субъектов существенных перемен не произойдет.

Ситуация в Чеченской Республике может начать постепенно ухудшаться, но возвращения к состоянию войны уже не будет. Возможны случаи серьезного обострения борьбы за власть между отдельными влиятельными группировками, террористические акции против авторитетных деятелей, рост числа «ваххабитских» вылазок, нападений на милиционеров и усиление ответных действий правоохранительных органов. Однако все это будет оставаться в рамках логики отношений между сетевыми группировками традиционалистского типа, пронизывающими властные, правовые и экономические институты в республиках Северного Кавказа.

5. РЕКОМЕНДАЦИИ

Насыщенность северокавказских обществ конфликтными отношениями и их влияние на уровень человеческой безопасности не могут быть преодолены какими-либо единичными силовыми или административными акциями. Предстоит длительный исторически период, в котором будут доминировать именно такого рода конфликтные отношения. Правильным направлением политики здесь были бы такие меры, которые позволяют в максимально возможной степени *направить конфликтный потенциал в систему легальных институтов власти и общества.*

В северокавказском регионе, с его крайне сегментированной социальной структурой, оказывающей существенное воздействие на политический и социальный климат и на характер экономических отношений, крайне важно соблюдение принципов разделения властей. Для центра не будет никакой угрозы с точки зрения политической целостности страны, если в этом регионе будет сознательно внедряться и культивироваться подлинная автономность судебной системы и органов прокурорского надзора от высшей исполнительной власти в республиках Северного Кавказа. Чрезвычайно важно развивать в регионе практику свободного и открытого парламентского обсуждения важнейших общественных проблем и принятия законов, призванных разрешать специфические для той или иной республики задачи.

Процессу перевода конфликтного потенциала в формы конструктивных

отношений и процедур способствуют также и различные общественные инициативы и организации. Единственной республикой на Северном Кавказе, в которой еще остается свободная пресса и подлинно самостоятельные и действенные общественные организации, является сейчас Дагестан. В последнее время мы стали свидетелями активных атак власти на эти организации. Независимые журналисты привлекаются к судебной ответственности «за клевету». Организация, образованная женщинами, дети и мужья которых были убиты или украдены в сомнительных ситуациях со «следами» причастности к этому работников правоохранительных органов, еще недавно играла огромную роль в обуздании произвола милиции в Дагестане. В результате этого случаев подобного рода стало значительно меньше. Однако сейчас эта организация подвергается жесткому давлению со стороны власти. Тенденция такова, что и в Дагестане с высокой степенью вероятности может воцариться полный произвол административных структур.

С позиций системного представления о характере общественно-политической ситуации, изложенного выше, монополизация полномочий исполнительной ветви власти – самая опасная для общей стабильности и человеческой безопасности тенденция на Северном Кавказе.

Поддержка и развитие свободной, независимой от региональных властей прессы также способствует выведению из тени и представлению общественности важнейших пластов конфликтных отношений, «невидимых» в настоящее время и недоступных открытой рефлексии.

Безусловно, сознательная поддержка и развитие всех этих практик не смогут привести к быстрому умиротворению, уменьшению общего объема факторов, порождающих конфликты, но значительные пласты присущей региону конфликтности начнут реализовываться в легальном социальном пространстве и посредством официально установленных процедур. В итоге природа конфликтов окажется более проясненной. Все это приведет к ослаблению роли теневых солидаристских группировок и бесперспективности применения криминальных способов решения политических, экономических и социальных конфликтов.